

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).083

DOI: 10.17223/19988613/55/1

Г.Н. Бибиков¹, П.П. Румянцев²

КОМИТЕТ 18 ФЕВРАЛЯ 1844 г. ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ИСТОРИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-257.2017.6).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-2135.2018.6).

Исследуется история возникновения и деятельности комитета, учрежденного 18 февраля 1844 г. при Министерстве финансов «для обсуждения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности в Сибири». Выявляются обстоятельства учреждения комитета, анализируется его состав. Рассмотрены вынесенные на обсуждение вопросы, решения комитета и их последующая реализация. Делается вывод о том, что комитет представляет редкий пример временного межведомственного учреждения николаевской эпохи.

Ключевые слова: Сибирь; золотопромышленность; жандармерия; Корпус жандармов; III отделение; Министерство финансов; А.Х. Бенкендорф; Я.Д. Казимирский; Ф.П. Вронченко.

Во второй четверти XIX в. ведомство политической полиции Российской империи в лице III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и приданного ему Корпуса жандармов оказывало заметное влияние на политику верховной власти. По проекту первого главного начальника III отделения и шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа жандармские штаб-офицеры в губерниях отслеживали общественные настроения и слухи, наблюдали за деятельностью местных чиновников и общим состоянием дел. Это позволило ряду историков рассматривать их в качестве «агентов» верховной власти в губерниях, которые выступали определенным противовесом регулярной бюрократии [1. Р. 224–227; 2]. Широкая информированность о положении дел на местах позволяла шефу жандармов – одному из ближайших доверенных лиц императора – влиять на перестановки в губернских администрациях и вмешиваться в политику министерств. Эта сторона деятельности политической полиции николаевской эпохи слабо отражена в историографии. Ее примером может служить история комитета, учрежденного при Министерстве финансов 18 февраля 1844 г. «для обсуждения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности в Сибири». Ранее этот комитет не привлекал внимания исследователей, за исключением классического труда В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах», где кратко перечислены главные вопросы, вынесенные на его обсуждение [3. С. 73–74]. В настоящей статье обстоятельства учреждения и деятельности комитета рассмотрены в контексте истории III отделения и Корпуса жандармов николаевской эпохи.

Положение дел в сибирской золотопромышленности привлекало внимание III отделения как постоянно растущими объемами добычи золота, так и скоплением масс рабочих, создававшим благоприятную почву для коллективных выступлений. В мае 1841 г. по предложению генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова была учреждена особая штатная должность жандармского штаб-офицера на частных золотых приисках Западной Сибири. Годом позже по инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин, но вопреки позиции восточносибирского генерал-губернатора В.Я. Руперта, другой штаб-офицер был определен на золотые прииски Восточной Сибири (см. подроб.: [4]). Бенкендорф ожидал от последнего, чтобы он «обращал постоянное внимание на сию возникающую отрасль народного богатства и занялся бы изысканием средств к доставлению Правительству значительнейших выгод без обременения частных промышленников» [5. Л. 88 об.].

Секретными инструкциями шефа жандармов этим чинам вменялось в обязанность находиться на приисках ежегодно с 1 мая по 1 октября и наблюдать, чтобы «рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям» и «снабжены были узаконенными видами». Штаб-офицер мог участвовать в расчете хозяев с работниками, присутствовать на следствиях в качестве депутата и принимать жалобы золотопромышленников и рабочих. При этом по настоянию П.Д. Горчакова штаб-офицер должен был, «не принимая никакого прямого и деятельного участия в распоряжениях по приискам, ограничиться одними наблюдениями в черте их». По окончании

приисковых работ он представлял отчет начальнику жандармского округа и местному генерал-губернатору [6. С. 168–169].

В помощь штаб-офицеру на приисках Восточной Сибири передавались восемь пеших жандармов из Красноярской жандармской команды, а «в случае если будут отряжены воинские команды на золотые промыслы, то оные подчиняются штаб-офицеру и состоят в продолжение работ в непосредственном его распоряжении» [Там же. С. 169–171].

В июне 1842 г. на частные золотые прииски Восточной Сибири был определен подполковник Я.Д. Казимирский, служивший к тому моменту штаб-офицером в Енисейской губернии. Яков Дмитриевич поступил в Корпус жандармов в 1834 г. с определением в Томскую губернию, в 1838–1839 гг. он служил в должности плац-майора Петровского завода, где содержались сосланные в Сибирь декабристы; по разным свидетельствам, у Казимирского сложились дружеские отношения со многими из ссыльных [7; 8. С. 52–60].

В мае 1842 г. на крупнейшем в Сибири Великоиколаевском прииске компании Асташева, Коробкова и Толкачева произошли массовые волнения рабочих, для умирения которых была задействована воинская команда и назначена комиссия военного суда [9. С. 190]. В июле 1842 г. Казимирский рапортовал начальнику VIII жандармского округа генерал-майору Н.Я. Фалькенбергу, что волнения произошли «от недостатка значительного посредника между рабочими и хозяином, к которому обе стороны имели бы доверие». Свою роль он в духе общей инструкции губернским жандармским офицерам видел в том, что «в средину их (т.е. золотопромышленников и рабочих) ставится штаб-офицер Корпуса жандармов, которому хотя не дано власти, но дано право все ведать и о всем доносить высшему правительству» [10. Л. 18]. В конце 1842 г. Казимирский представил Фалькенбергу и генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту краткую ведомость о добыче золота и промывке песков.

Следующий годовой отчет Казимирского, датированный 24 ноября 1843 г., представлял собой уже подробный очерк общего положения дел на промыслах Восточной Сибири, включая описание свойств золотосодержащих россыпей, порядка работ и применения машин, управления и условий труда (наем и плата рабочим, пища, больницы). Казимирский указал на пользу золотопромышленности для экономики края: «Сельское хозяйство значительно восстановилось, ибо, потеряв работников в числе, оно далеко выиграло от потребности и высокой цены, установившейся на все припасы». «Если изобилие припасов и вместе с тем изобилие денег суть средства народного благосостояния, – рассуждал далее штаб-офицер, – то Енисейская губерния должна бы была вполне благоденствовать, если бы богатству ее в работающем классе дано было лучшее направление». Казимирский подчеркивал, что «одно только сословие страждет от развития золотопромышленности в Сибири,

это – чиновники Енисейской губернии, которые, не в состоянии будучи платить цен, возвысившихся на все потребности от изобилия денег, крайне затрудняются в средствах жизни и от их-то ропота возник несправедливый слух: будто бы золотопромышленность вредна для края» [5. Л. 90 об.–92]. Казимирский высказал ряд соображений по улучшению положения золотопромышленной отрасли.

Отчеты Казимирского и штаб-офицера на частных золотых приисках Западной Сибири подполковника И.М. Огарева были доставлены начальнику VIII жандармского округа, который 4 декабря 1843 г. отослал их Бенкендорфу. Фалькенберг отдельно выделил отчет Казимирского, отметив, что изложенные в нем предположения, «основанные на местном опыте, совершенно справедливы и вполне заслуживают милостивого внимания» [11. Л. 35]. «По любопытству заключаемых в оном сведений» отчет Казимирского привлек внимание шефа жандармов. 31 января 1844 г. Бенкендорф представил отчет Николаю I при всеподданнейшей записке «О золотопромышленности в Восточной Сибири», в которой отметил, что Казимирский известен ему «как по отличному усердию, так и по замечательным способностям» и его предположения «заслуживают особенного внимания» [5. Л. 88 об.–89]. Шеф жандармов испрашивал высочайшего соизволения «на передачу означенных предположений Казимирского министру финансов с тем, чтобы для обсуждения оных составлен им был особый Комитет из людей, имеющих о золотопромышленности точные и положительные сведения, предложив находиться при оном и прибывшему из Красноярска подполковнику Казимирскому» [Там же. Л. 96 об.–97].

Николай I одобрил предложение шефа жандармов. Казимирскому была объявлена высочайшая благодарность. 5 февраля Бенкендорф направил отчет товарищу министра финансов Ф.П. Вронченко, управлявшему министерством на время болезни министра Е.Ф. Канкрин (1 мая 1844 г. Вронченко был утвержден в должности министра финансов), «с тем, что не полагает ли он назначить Комитет» [Там же. Л. 88]. Обсуждение предложений Казимирского было передано на усмотрение министра финансов: частная золотопромышленность находилась в ведении Департамента горных и соляных дел министерства, сам министр по должности являлся главноуправляющим Корпуса горных инженеров.

18 февраля 1844 г. Вронченко представил всеподданнейшую докладную записку. Признавая, что некоторые изложенные в отчете Казимирского «предметы заслуживают особого усмотрения», он находил «учреждение особого Комитета для обсуждения этих предметов полезным». Николай I одобрил записку и утвердил предложенный Вронченко состав «Комитета для обсуждения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности в Сибири» [Там же. Л. 98–99]. В него вошли начальник штаба Корпуса горных инженеров генерал-лейтенант К.В. Чевкин, директор Департамента горных и соляных

дел генерал-майор Ф.Ф. Бегер, вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов действительный статский советник И.И. Ламанский, профессор минералогии Института Корпуса горных инженеров и Санкт-Петербургского университета Э.К. Гофман и подполковник Казимирский.

Все члены комитета, за исключением Казимирского, являлись служащими Министерства финансов. Известный геолог, профессор Гофман в 1843 г. совершил по высочайшему повелению обзорное путешествие по золотым промыслам Восточной Сибири и составил их подробное геологическое описание. Часть пути Казимирский и Гофман проехали вместе. В 1844 г. Гофман опубликовал брошюру «О золотых промыслах Восточной Сибири», а полный отчет на немецком языке был удостоен в 1847 г. Демидовской премии [12. С. 18–19]. Первое собрание комитета состоялось вечером 18 февраля в зале Совета министра финансов, а главные вопросы были вынесены на заседание 25 февраля. Итоговый журнал комитета включал 12 пунктов, которые соответствовали основным предложениям Казимирского.

Первым вопросом было рассмотрено предложение «постановить правилом повсеместно на приисках те работы, кои возможно заменить механизмом, отнюдь не исполнять руками человека». Комитет заключил, что «сколь ни полезно было бы при недостатке рабочих для сибирских золотых промыслов заменить там ручную работу лошадьми и машинами, но употреблять к тому принуждение было бы и несоответственно нашему законодательству и крайне затруднительно». Решено было только «внушить золотопромышленникам, что собственная польза их требует, дабы они более старались заменять на промыслах своих ручную работу лошадьми и машинами» [5. Л. 116 об.].

Следующим пунктом обсуждалось замечание Казимирского, что для привлечения большего числа рабочих золотопромышленники не соблюдают правило о максимальном задатке в 25 руб.: штаб-офицер предлагал обязать владельцев приисков «не выдавать задатков более, сколько положено уставом» [Там же. Л. 26]. Члены комитета подтвердили, что в неявке рабочих на прииски виноваты «сами золотопромышленники, которые, нанимая рабочих без должной осмотрительности и снабжая их большими, чем бы следовало, задатками, дают им чрез то средства сначала к пьянству, потом к укрывательству». Но ввиду того, что со стороны «Правительства в этом отношении сделано всевозможное для пользы золотопромышленников», было принято решение «только подтвердить местным начальствам о точном исполнении правил... а золотопромышленникам – о невыдаче задатков рабочим более 25 руб.». Комитет постановил также «обязать золотопромышленников, чтобы не нанимали для своих работ престарелых и увечных с тем, что если подобные люди окажутся на промыслах, то будут высланы в места их жительства на счет золотопромышленников» [Там же. Л. 109–110, 116 об.].

С целью ограничить бесконтрольные заявки на разработку новых приисков Казимирский предлагал «наложить впредь за каждую явку, в земском суде записанную, взыскания по триста рублей серебром», а оставленные надолго шурфы и столбы уничтожить и объявить прииски свободными [Там же. Л. 57 об.–58]. Члены комитета отвергли нововведение, посчитав, что статьи Горного устава «о приеме к заявленным приискам отводов, о назначении сих отводов по старшинству заявок и о лишении заявителей их приисков за неприбытие их или поверенных на сборное место к чиновнику, назначенному для отвода, – ясны и определительны», ввиду чего «остается только подтвердить кому следует о точном исполнении этих статей» [Там же. Л. 114 об.–115].

Равным образом была отвергнута идея обязать золотопромышленников заботиться о состоянии дорог на приисках: комитет постановил, что «к устройству и улучшению дорог на золотые промыслы уже преступлено со стороны местного начальства и остается поручить этот предмет дальнейшему его попечению» [Там же. Л. 115 об.].

В отчете Казимирского резкой критике было подвергнуто введенное в апреле 1841 г. правило о 12-летнем сроке разработки приисков, которое, как представлялось жандармскому подполковнику, «охлаждает рвение искателей золота и останавливает самое производство». Раньше, утверждал Казимирский, золотопромышленник «при открытии работ вынимал золото правильно, мыл пески богатые и бедные и не портил дела» [Там же. Л. 59–61]. Члены комитета согласились с доводами, «главнейше по климатическому положению промыслов Восточной Сибири, на коих производство работ продолжается едва четыре месяца, так что двенадцатилетний срок обращается действительно в 4 года и, следовательно, для правильной разработки приисков очень короток». Однако было решено не отменять недавно введенное правило, а запросить мнение сенатора И.Н. Толстого, которому в 1843 г. была поручена общая ревизия Восточной Сибири [Там же. Л. 115]. Также обсуждался вопрос о повышении штатных окладов служащим в Восточной Сибири чиновникам «при теперешней в том крае дороговизне», и решено было оставить его на усмотрение генерал-губернатора [Там же. Л. 107].

Отдельный раздел отчета Казимирского был озаглавлен «О бессилии золотопромышленников в денежных оборотах». Жандармский офицер считал полезным «учредить в Красноярске и Енисейске конторы ссудных касс в 1 м[иллион] руб. ассигнациями каждую собственно для золотых промыслов, в таком виде, чтобы сии конторы могли снабжать деньгами не только под верный залог, но даже и по квитанциям, которые золотопромышленник представит к сдаче золота» [Там же. Л. 53 об.]. Члены комитета заключили, что на решение этого вопроса направлено «Высочайшее повеление 16 сего февраля о дозволении золотопромышленникам сдавать добываемое ими золото в казну вместо двух два или три раза в год и по выданным на то золото квитанциям

получать деньги из Коммерческого банка», поэтому предложение решено было оставить «без исполнения». Судя по журналу комитета, Казимирский не поддержал общее решение и «остался при прежнем своем мнении» [5. Л. 113 об.–114]. Таким образом, большая часть предложений была под разными предлогами отвергнута. Тем не менее по ряду вопросов комитет признал нужным сделать специальные распоряжения или внести изменения в законы.

Главное внимание в отчете Казимирского было уделено положению воинской стражи и полиции. Охраной порядка на промыслах заведовали отдельные заседатели, которые являлись служащими земского суда, но на время нахождения на приисках освобождались от других должностных поручений. Определение и увольнение этих чинов находилось в ведении Главного управления Восточной Сибири, иными словами, зависело от усмотрения генерал-губернатора. К началу 1840-х гг. на промыслы Восточной Сибири определялись три отдельных заседателя – по одному на северную и южную часть Енисейского золотоносного округа, где находился центр золотодобычи в Сибири, третий обозревал Канский, Нижнеудинский и Иркутский округа.

Казимирский указал, что отдельный заседатель «бывает обременен множеством посторонних дел, поступающих к нему из разных присутственных мест... Вся эта переписка совершенно бесполезна, потому что почтового тракта между промыслами нет и бумаги сии поступают нередко чрез полгода». Учитывая, что «отдельный заседатель, представляя собою единственное лицо местной власти на промыслах, отдаленных и трудных в сообщениях, должен иметь более опытности, образования, бескорыстия и, наконец, значения, чем обыкновенный заседатель земского суда», Казимирский предлагал «отделить их совершенно от земского суда и, поместив их в штат Горного отделения при Главном Управлении Восточной Сибири, переименовать или в горные исправники, или в полицмейстеры частных золотых промыслов, назначив к ним по одному письмоводителю». В таком только случае «благонамеренные и способные чиновники не будут чуждаться этой должности, которая требует в особенности добрых свойств» [Там же. Л. 36 об.–39]. Казимирский не уточнял порядок подчиненности полицейских чинов после предполагаемых изменений.

Члены комитета признали общий ход рассуждений верным, но предпочли не менять служебные обязанности полицейских чинов и не выводить из состава земского суда, ограничившись переименованием должности: «По важности же обязанностей сих заседателей и возвышения звания их в глазах простого народа представляется полезным переименовать их, по примеру подобных должностей на горных заводах, в горные исправники» [Там же. Л. 112 об.–113].

Самое существенное нововведение, предложенное Казимирским, касалось приисковой стражи. К началу 1840-х гг. на прииски Восточной Сибири ежегодно командировались более 300 казаков, которые находились

в подчинении отдельных заседателей. Еще в августе 1842 г. Казимирский писал, что казаки на приисках «слишком много свыклись с рабочими и в большой зависимости промышленников» и добавлял: «Разумей, что [жандармский] штаб-офицер на приисках исправляет некоторым образом должность коменданта, полагать надобно, что все воинские команды и отряды должны быть подчинены ему» [10. Л. 25].

В отчете о состоянии золотопромышленности за 1843 г. Казимирский развивал эту мысль, подчеркивая, что призванный к охране приисков «городовой казак есть более мирный гражданин, чем воин; с малых лет приучаясь к хозяйству, а не к оружию, и готовясь более к гражданской службе, в нем не бывает ни воинской ловкости, ни строгой дисциплины регулярного войска, ни того духа, которым одушевляется солдат. Посельщики рабочие (т.е. ссыльнопоселенцы) поняли очень хорошо, с кем имеют дело, и почти явно смеются над сей стражей, уверенные вполне в превосходстве сил своих» [5. Л. 30 об.–31]. Для предупреждения новых волнений Казимирский предлагал устроить на время летних работ три лагеря пехотных солдат общей численностью в 270 человек, «расположив их вне приисков, в окрестностях селений». «Можно надеяться, – полагал Казимирский, – что сии три небольшие пехотные команды были бы достаточны для удержания в тишине и порядке рабочих всех систем, потому что штыки и пули есть страшное оружие для русского мужика. Сверх того пехотные команды с большею пользою могут быть употреблены во время возвращения рабочих с промыслов, когда они предаются страсти своей погулять». Отряды следовало подчинить жандармскому штаб-офицеру на промыслах, «который обязан представлять ежемесячно рапорты о их состоянии генерал-губернатору, а по окончании лагерной службы их при промыслах произвести инспекторский смотр всем воинским командам, не исключая и казаков». Число казаков предполагалось «уменьшить по расчету. Казаки полезны и даже необходимы на промыслах для ночных обходов по избушкам, где живут рабочие, для караулов в разрезах, где добывается золото и хранится оно; для содержания кордонов и разъездов в случае надобности» [Там же. Л. 32–35 об.]. Начальник VIII жандармского округа генерал-майор Фалькенберг также активно выступал за передачу приисковой стражи под команду жандармского штаб-офицера, уверяя Бенкендорфа, что «находясь в подчиненности лица военного, самые команды точно будут в стройном порядке» [11. Л. 31–35]. Против этого предложения выступали оба сибирских генерал-губернатора.

Члены комитета приняли доводы Казимирского и сошлись на том, что «нахождение на самых приисках казаков, по малочисленности их против рабочих, сколько бесполезно, столько и неудобно, ибо оно, кроме ослабления в мнении рабочих силы этого войска, может иметь и вредное влияние на их нравственность от продолжительного сообщения с рабочими». Поэтому «было

бы гораздо лучше для вящего обеспечения тишины и порядка на промыслах иметь небольшие военные отряды, вне промыслов расположенные, недалеко от оных в приличных местах и предпочтительно из пехоты, с одним или двумя легкими (3-х фунтовыми) орудиями». Все воинские команды следовало подчинить жандармскому штаб-офицеру [5. Л. 111 об.–112 об.].

В заключение отчета Казимирский ходатайствовал о предоставлении ему в дополнение к выделенной 1 тыс. руб. серебром еще 2 тыс. руб. серебром ежегодных ассигнований на наем лошадей и экипажи. Члены комитета признали, что «по местным трудностям перевозов, по обширности их, по неимению на большей части пути почтовых лошадей, по крайней дороговизне фуража, по необходимости иметь при себе 8 жандармов и одного писаря, а равно потому, что штаб-офицер сей обязан выбирать для перевозов своих не проезжие и более удобные дороги, но те пути, по коим проходят пешие рабочие, – означенных денег действительно оказывается недостаточно», но решение вопроса было отложено ввиду особого ходатайства шефа жандармов. Также была одобрена частная мера – запрет на продажу «роскошных товаров» по пути следования рабочих с промыслов с 1 по 20 сентября.

3 марта 1844 г. Вронченко представил Николаю I всеподданнейшую записку «О последствиях рассмотрения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности Восточной Сибири», включавшую резолюции по журналу комитета. Николай I повелел «исполнить» [Там же. Л. 105]. Решение комитета о переименовании отдельных заседателей в горные исправники было внесено в Комитет министров, и 28 марта 1844 г. последовал указ Сената [Там же. Л. 158]. На специальный запрос генерал-губернатора Западной Сибири министр финансов подтвердил, что переименование должности полицейских чинов последовало «без всякого изменения лежавших на них обязанностей» [Там же. Л. 176]. 9 марта министру внутренних дел было сообщено о запрете продажи «роскошных товаров» по пути следования рабочих [Там же. Л. 138].

В тот же день Вронченко направил отношение военному министру А.И. Чернышеву, уведомляя, что Николай I поручил генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту «войти с представлением о том, чтобы вместо посылаемых ныне для охранения промыслов команд из городских казаков» иметь лагерные отряды из сибирских линейных батальонов [Там же. Л. 128]. Обращение к Руперту было вызвано тем, что войска в Сибири состояли под командой местных генерал-губернаторов. Вронченко мог рассчитывать, что замена приисковой стражи не встретит возражений со стороны генерал-губернатора: в августе 1843 г. Руперт сам ходатайствовал о ежегодном командировании на прииски двух рот солдат, и члены комитета при обсуждении предложений Казимирского приняли это мнение во внимание.

Ответ Руперта в виде рапорта Чернышеву был датирован 6 мая. Генерал-губернатор решительно оспорил

решение комитета: «Для охранения приисков и соблюдения на них порядка в настоящее время достаточно одних тех полицейских мер, для которых назначались до сего туда казаки». Пехотные отряды, «находясь в лагере, в отдаленном расстоянии от места производства работ, не могут быть употребляемы для полицейского надзора, для которого употребляются ныне казаки, и потому не принесут решительно никакой пользы». По мнению Руперта, регулярные войска могут принести пользу только в случае сформирования отдельных рот общей численностью не менее 1 тыс. человек, но «по некомплекту войск, в Восточной Сибири находящихся, и ограниченности их штатов не предстоит никакой возможности командировать от них особые отряды». Руперт полагал, что появление солдат на приисках даст рабочим ложное представление, будто местные власти опасаются их возмущения [13. Л. 11–12].

15 июля 1844 г. Вронченко подробно изложил Чернышеву предысторию вопроса, напомнив, что решение о командировании на прииски пехотных отрядов уже получило высочайшее одобрение, а Руперт «представлял в 1843 г. о командировании на прииски сверх посылаемых на оные казаков, двух рот солдат». Министр финансов резюмировал: «Я и ныне остаюсь при прежнем моем мнении касательно посылки на промыслы военных команд вместо казаков в той мере, как это признано вышеозначенным комитетом». Вронченко предлагал представить совместный всеподданнейший доклад или узнать мнение сенатора Толстого. Чернышев ответил, что оставляет вопрос на усмотрение министра финансов [Там же. Л. 30–33]. В начале августа 1844 г. Вронченко направил отношение Толстому и новый запрос Руперту. Последний вновь отозвался, что солдаты «заменить казачью команду никогда не могут» [Там же. Л. 64].

Дальнейший ход дела во многом зависел от позиции Толстого. Сенатор долго медлил с ответом: его письмо в Министерство финансов было датировано 30 июля 1845 г. и оказалось созвучно позиции генерал-губернатора. Толстой настаивал на сохранении казачьей стражи: «Необходимо требуется ближайший, полицейский надзор за рабочими, заключающийся в отвращении кражи и перевода золота, в удержании от драк, побегов, картежных и азартных игр, в недопущении употребления вина и в пресечении других проступков», поэтому «вредные последствия от удаления казаков с промыслов и от прекращения ближайшего их надзора сами по себе очевидны и еще более убеждают в необходимости такового надзора». От подчинения приисковой стражи жандармскому штаб-офицеру «могут возникнуть неуместные распоряжения и пререкания». Толстой резюмировал: «В командировании отдельных воинских команд, сверх казачьих отрядов, особой надобности не предстоит» [Там же. Л. 74–84]. Решение комитета, получившее высочайшее одобрение, так и не было претворено в жизнь.

Кроме того, в начале марта 1844 г. по отдельному докладу Вронченко Николай I распорядился «отпускать ныне подполковнику Казимирскому на разъезды

по промыслам сумму одну тыс. руб. сер. в год удвоить» с внесением «на будущее время в смету расходов по надзору за золотыми промыслами в Сибири и с представлением Казимирскому при том иметь с собою во время разъездов по промыслам меньшее по возможности число жандармов, ограничиваясь в них существенно лишь надобностью» [10. Л. 93–93 об.].

Впоследствии Казимирский неоднократно выступал с новыми инициативами более частного плана, которые из III отделения передавались на усмотрение министра финансов. В 1853 г., уже в чине генерал-майора, Казимирский был назначен исправляющим должность начальника VIII округа Корпуса жандармов.

Таким образом, комитет 18 февраля 1844 г. представляет редкий пример временного межведомственного государственного учреждения николаевской эпохи.

Специфика комитета обусловлена тем, что инициатива его создания исходила от шефа жандармов, тогда как вынесенные на обсуждение вопросы находились в ведении Министерства финансов. А.Х. Бенкендорф настоял на включении в состав комитета жандармского штаб-офицера. III отделение таким путем оказывало влияние на повестку министерства. В то же время, шеф жандармов в дальнейшем не участвовал в определении состава и порядка работы комитета, а министр финансов, очевидно, не был заинтересован в проведении преобразований, инициированных другим ведомством. Вероятно, это предопределило скромные результаты работы комитета: большой список нововведений, предложенных подполковником Я.Д. Казимирским, был рассмотрен в течение одного заседания, из них претворены в жизнь отдельные частные меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yanev G.L. The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, IL : University of Illinois Press, 1973. XVI + 430 p.
2. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск : Изд-во Омского ун-та, 1995. 223 с.
3. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах : в 2 т. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. Т. 1. С. 73–74.
4. Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3. С. 16–24.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 40. Д. 28.
6. Бибиков Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежном повиновении местным властям»: инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 166–171.
7. Баранова Н.Е. «За чувства Ваши ко мне радуюсь и торжеству». Плац-майор Я.Д. Казимирский и декабристы // IV Петряевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной 360-летию города Нерчинска и 100-летию со дня рождения краеведа Е.Д. Петряева. Чита : ЗабГУ, 2013. С. 210–215.
8. Клибанов А.И. Из истории идейной жизни декабристов в сибирской ссылке (по письмам декабристов Я.Д. Казимирскому) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М. : Наука, 1976. С. 52–60.
9. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 542.
11. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593.
12. Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850). Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1933. 257 с.
13. РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 21.

Bibikov Grigory N. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru
Rumyantsev Petr P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: petroom@mail.ru

COMMITTEE ON FEBRUARY 18, 1844 TO DISCUSS THE SITUATION OF THE GOLD INDUSTRY IN EASTERN SIBERIA: HISTORY OF ESTABLISHMENT AND ACTIVITY

Keywords: Siberia; gold industry; gendarmerie; Ministry of Finance; The corps of gendarmes; The III department; A.Kh. Benkendorf; Ya.D. Kazimirsky; F.P. Vronchenko.

The article examines the history of the emergence and activities of the committee established by the Ministry of Finance on February 18, 1844 “to discuss the assumptions of Lieutenant Colonel Kazimirsky regarding improving the gold industry in Siberia”. This committee drew the authors’ attention for some reasons. Firstly, it is a rare example of an interdepartmental institution of the first half of the 19th century, created on the initiative of the chief of the III department and chief of the gendarmes A.Kh. Benkendorf. Secondly, the circumstances of the establishment of the committee show how the department of political police could influence the activities of the ministries. And, thirdly, up to the present time the history of the activities of this committee has not specifically attracted the attention of researchers. The following research tasks were set: 1) to identify the reasons and circumstances of the establishment of the committee; 2) to characterize the composition of the committee; 3) to analyze the information about the issues considered by the committee and their implementation in practice. The main sources for the article were the materials stored in the central state archives of Russia. The article is based on the application of such methods of historical science as narrative, historical-genetic and comparative-historical analysis. The authors came to the following conclusions. The specificity of the committee’s activities is based on the fact that the initiative to create it came from the chief of the gendarmes, whereas the issues submitted for discussion were under the jurisdiction of the Ministry of Finance. Chief of gendarmes A.Kh. Benkendorf insisted on including a gendarme headquarters officer in the committee, thus giving him the opportunity to influence the committee’s activities. However, in the future, Benkendorf himself did not participate in determining the composition and order of the committee’s work, and the finance minister evidently was not interested in carrying out the reforms initiated by another agency. Probably, this predetermined the modest results of the committee’s work: a large list of innovations proposed by the gendarmerie agency was considered during one meeting, of which some partial measures were implemented, but they did not radically affect the development of the Siberian gold industry.

REFERENCES

1. Yaney, G.L. (1973). *The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Urbana: University of Illinois Press.
2. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX veka* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
3. Semevskiy, V.I. (1989) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* [Workers in the Siberian gold fields]. Vol. 2. St. Petersburg: M. Stasyulevich.
4. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841-1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
5. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 37. List 40. File 28.
6. Bibikov, G.N. (2017) “Chtoby rabochie lyudi, na promyslakh nakhodyashchiesya, sostoyali v nadlezhashchem povinovenii mestnym vlastyam”: Instruktsii zhandarmskim shtab-ofitseram na zolotykh promyslakh Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri. 1842 g. [“So that the working people in the fields to be properly subordinate to the local authorities”: Instructions to the gendarme headquarters officers in the gold fields of Western and Eastern Siberia. 1842]. *Istoricheskiy arkhiv – Historical Archive*. 1. pp.166–171.
7. Baranova, N.E. (2013) [“I rejoice your feelings to me.” Platz-Major Ya.D. Kazimierz and the Decembrists]. *IV Petryaevskie chteniya* [The Fourth Petryaev Readings]. Proc. of the Regional Conference. Chita: Transbaikal State University. (In Russian).
8. Klibanov, A.I. (1976) Iz istorii ideynoy zhizni dekabristov v sibirskoy ssylke (po pis'mam dekabristov Ya.D. Kazimirskomu) [From the history of the ideological life of the Decembrists in the Siberian exile (according to the letters of the Decembrists Ya.D. Kazimirsky)]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennoy mysli i istoriografii* [The problems of the history of social thought and historiography]. Moscow: Nauka.
9. Zinoviev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial personnel of the old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 542.
11. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 593.
12. Obruchev, V.A. (1933) *Istoriya geologicheskogo issledovaniya Sibiri. Period vtoroy (1801–1850)* [History of geological exploration of Siberia. The second period (1801–1850)]. Leningrad: AS USSR.
13. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 37. List 40. File 21.